

В. КРАПИВИН

ВСАДНИКИ СО СТАНЦИИ РОСА

Пьеса в двух частях В. Розова

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Сережа Каходский.
Алексей Борисович — журналист.
Женщина на вокзале.
Станислав Андреевич — физрук.
Костя — пионервожатый.
Совков Тихон Михайлович.
Гортензия.
Скатов.
Падерин.
Соломин.
Соловьев.
Володя.
Парень.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

На сцене маленькое железнодорожное сооружение с надписью «Станция Роза». Палисадник, в центре которого гипсовый мальчик, обнимающий жеребенка. Две скамейки. Справа видно крыльцо привокзального домика. Цветы, кустарник. Из кустов вылезает лохматый, весь в репейниках пес. Потыкавшись мордой туда-сюда, видимо в поисках пищи, и не найдя ничего, он садится на авансцене и, задрав голову, начинает протяжно вить. Снова побрел в кусты и скрылся. К станции подходит Алексей Борисович. В руках у него полуспортивная сумка. Он подходит к расписанию поездов, останавливается, читает. Сел на скамейку, вынул блокнот и что-то записывает.

Вбегает Сережа с чемоданом в руке.

Алексей Борисович. Здравствуй, Сережа!

Сережа (удивленно). Здравствуйте...

Алексей Борисович. Что удивляешься? Твои анкетные данные на чемодане. Вон какой у тебя опознавательный знак. (*Читает бирку на чемодане.*) Каходский Сережа, пятый отряд.

Сережа (глядя на чемодан). Правда... Я и не догадался.

Алексей Борисович. Из лагеря возвращаешься?

Сережа. Да... возвращаюсь... А что?

Алексей Борисович. Да нет, ничего, Сережа, извини.

(*Алексей Борисович снова пишет что-то в блокноте.*)

Сережа. Вы писатель, да?

Алексей Борисович. Почему ты так решил?

Сережа. Все сразу замечаете и пишете так много.

Алексей Борисович. Писатель — это чересчур. Я журналист, в редакции работаю. А все замечаю — как говорится, профессиональная хватка.

Сережа. А-а-а...

Алексей Борисович. Почему — а? В том смысле, что понятно, отчего я любопытный? Или тебе жаль, что я не писатель?

Сережа. Жаль, что не писатель. А то я хотел спросить.

Алексей Борисович. Да... А может быть, спросишь? Я немножко в писательском деле маракую. Или нельзя?

Сережа. Да нет, можно... (*Присаживается на чемодан.*) Я просто узнать хотел... Писатели про многое просто выдумают, верно? Особенно фантастику или сказки. И никто ведь над писателями не смеется, не кричит — «так не бывает, все вы наврали»? А если какой-нибудь человек, не писатель, а просто, если он какие-нибудь истории так, для интереса начинает придумывать, его сразу хвастуном дразнят, говорят — «врешь». Почему?

Алексей Борисович. Врать, конечно, дело неблаговидное...

Сережа. А сочинять?

Алексей Борисович. А сочинять вполне допустимо.

Сережа. А какая разница?

Алексей Борисович. Понял, о чем речь! Сочиняют для пользы. Ну, чтоб рассмешить, хотя бы развлечь, удивить, а иногда и какую-то мысль выразить поярче. А врут — всегда только для своей выгоды: обмануть или показаться лучше, чем есть на самом деле. Ты ведь, наверное, тоже в город едешь? А билет взял?

Сережа. Да.

Алексей Борисович. Между прочим, над писателями тоже иногда смеются!..

Во время этого диалога пес вылез из кустов, забрался на крыльцо привокзального дома и, видимо, ушел в дом. В тот момент, когда Алексей Борисович скрылся в вокзальном помещении, пес с пулей вылетел из дома. За ним с мокрой тряпкой в руках Пожилая женщина.

Женщина. Геть отсюда, паразит! Жратвы на тебя не напаешься!

Сережа (*подошел к женщине*). Простите, пожалуйста. У меня есть котлета. Можно, я покормлю вашу собаку?

Женщина. Какая она моя, лахудра такая! Бесхозный.

Сережа. А как его зовут?

Женщина. Да никак не зовут. Кто Полканом кличет, кто Жучкой, кто Фантомасом, он на все откликается, лишь бы кормили. Назови его Иваном Ивановичем, и то побежит. (*Моет крыльцо*.)

Сережа достает из чемодана сверток, разворачивает. Дает псу котлету. Пес мгновенно ее проглатывает.

Видал, как слопал! Не собака, а крокодил.

Сережа. Извините, пожалуйста. Я только хотел спросить... Если его здесь не будет, о нем никто не станет беспокоиться?

Женщина. Да кому он нужен-то? Все равно пристрелят когда-нибудь.

Сережа. За что??

Женщина. Кур он гоняет, вот и пристрелят.

Сережа. Тогда можно — я себе его возьму?

Женщина. Мать-то вас обоих из дома веником шуганет!

Сережа. Никто не шуганет! Значит, я могу его взять?

Женщина. Да забирай на здоровье такое сокровище... Сам ты не голоден?

Сережа. Нет, нет, я только что поел, спасибо, спасибо.

Женщина. Знаю я вас — собакам да птицам последнее отадите.

Сережа пошел к скамейке. Покормил пса. Пес заглядывает мальчику в глаза.

Сережа. Это же пустая бумага, видишь? (*Повертел газету, смял*.)

Пес приуныл. Сережа подходит к женщине.

Скажите, пожалуйста, куда можно бросить бумагу?

Женщина. Если уж так порядок любишь, снеси вон туда за угол. Там мусорный ящик есть. (*Вслед Сереже*.) Попадаются же иногда культурные!

Бросив бумагу, Сережа возвращается.

Из лагеря домой?

Сережа. Да, возвращаюсь.

Женщина. Чего ж один-то?

Сережа. Так...

Женщина. Набезобразил поди?

Сережа не отвечает.

Молчун. (*Ушла*.)

Сережа сел на лавочку. Вздохнул.

Пес. Что вздыхаешь? У тебя неприятности?

Сережа. Так, кое-какие...

Пес. Помни, все чепуха.

Сережа. Это у собак так. А у людей столько всякого...

Пес. А ты, если тебя обижают, на всех лай, а то и кусайся.

Сережа. Так нельзя.

Пес. Почему это?

Сережа. Это собакам можно лаять и кусаться. Людям нельзя.

Пес. Так что — все терпеть, что ли?

Сережа. Приходится.

Пес. Ну и жизни!

Сережа. Ты смешной! Ушаственный, клочастый. Блохастый, на-верно?

Пес. Не без этого. Местами...

Сережа. Понимаешь, теперь ты мой. Мы с тобой поедем ко мне домой на поезд.

Пес с благодарностью смотрит на мальчика.

Пес. Слушай, давай поиграем.

Сережа. А ты меня нечаянно не слопаешь?

Пес. Ни в коем случае! В тебе есть что-то человеческое.

Сережа. Ну, ляпа, догоняй!

Сережа хлопнул пса по спине и лошадкой помчался от него вокруг палисадника. Пес за ним и быстро поймал его зубами за штанину.

Появляется Алексей Борисович.

Пес прячется.

Собака... Пес... Иван Иванович... Где ты?

Пес вылезает из укрытия.

Погоди, мы бегаем, а как бы у меня не стянули со скамейки чемодан, мы бы тогда бросились по след и поймали преступника, верно?

Пес. В глотку сразу — кляп! И наперекосяк!

Сережа. Откуда ты таких слов набрался?

Пес (*виновато*). Я же бродячий. Дурное влияние...

С е р е ж а. Сядь! У тебя нет ошейника. Как я с тобой поездом поеду без ошейника?.. Подожди-ка... (*Отстегивает ремень.*) Ну-ка, давай голову измерю.

П е с (*слегка отстраняясь*). А ты почему без ошейника?

С е р е ж а. Людям ошейник не полагается.

П е с. А собакам, значит, можно?

С е р е ж а. В вагон не пустят. Такое правило.

П е с. Ничего я в ваших правилах не понимаю. Но раз ты так считаешь — валяй! (*Подставляет голову.*)

С е р е ж а. Вот, умная ты собака!

П е с. Я кстати и не собака, я щенок.

С е р е ж а (*надевает ему ремень*). Щенок! Прекрасно, я тебя так и буду звать: Щенок!

П е с. Ну уж, подчеркивать это на каждом шагу тоже незачем, не такой я маленький.

С е р е ж а. Хорошо! «Ще» я отброшу и буду звать тебя Нок. Нок! (*Идет в вокзальное помещение. Спрашивает женщину, вышедшую с ведром.*) Скажите, пожалуйста, собаке надо брать билет?

Ж е н и щ и н а. А как же. Если до города, тридцать пять копеек.

С е р е ж а (*nsy*). Пошли, товарищ пассажир! (*Увидел входящего человека.*)

Это физрук лагеря **Станислав Андреевич** — он заметил чемодан с надписью.

Станислав Андреевич. Каховский! Сережа!

Сережа замер, как будто ожидая чего-то.

А-а, а то, я смотрю, вещички на скамейке, а хозяина нет. Ну как, набегался?

С е р е ж а. Я не бегал.

Станислав Андреевич. Ну, нагулялся, значит?

С е р е ж а. Я не гулял, я поехал домой, вы знаете.

Станислав Андреевич. Смотри-ка ты, домой!.. Ладно, друг, кончай дурака валять и давай топай в лагерь, а то к обеду не попеем. (*Облегченно вздохнул. Напевает.*)

Сережа хватает чемодан и отбегает в сторону.

Да не бойся, ничего тебе не будет, я это тебе по секрету могу сказать.

С е р е ж а. Не будет... Да я и не боюсь, что «будет», я просто решил ехать домой, и уеду.

Станислав Андреевич. Обиделся!

С е р е ж а. А что, человек не имеет права обижаться?

Станислав Андреевич. Человек... Если всякий будет на ерунду обижаться да из лагеря бегать, что тогда?

С е р е ж а. Во-первых, это не ерунда. Во-вторых, я не убегал. Я сказал, что уйду, и ушел. Начальник сам говорил: «убирайся».

Станислав Андреевич. А ты и обрадовался. Мало ли что человек может сгоряча сказать. Ты хочешь, чтобы он у тебя прощения попросил?

С е р е ж а. Нет, не хочу. Да он и не будет.

Станислав Андреевич. Слава богу, догадался. Слушай, сам во всем виноват и еще выкаблучиваешься.

С е р е ж а. Я? Виноват?

Станислав Андреевич. Ну ладно, Сергей, не будем спорить, кто виноват. Я про эту историю подробно и не знаю. Мне что нужно? Чтобы ты в лагерь вернулся.

С е р е ж а. Не вернусь я! Теперь я уж совсем не могу, даже если бы я хотел. Видите, у меня собака. Куда ее девать? В лагерь ведь не пустили бы... Нок, лежать! (*Слегка нажал на спину пса.*)

Тот лег.

Станислав Андреевич. Где ты подобрал эту зверюгу?

С е р е ж а. Подарок.

Станислав Андреевич. Ну и подарочек... Не иначе, как на день рождения. За версту видно, что он дурак и трус.

С е р е ж а. Мне и такой хороши.

Станислав Андреевич. Выходит, ты променял весь пионерский лагерь на бродячего пса?

С е р е ж а. Да ничего я не менял. Ну при чем здесь ваш лагерь! Он без меня проживет, а собака не проживет. Мне ее отдали, значит я за нее отвечаю.

Станислав Андреевич. А за тебя отвечает коллектив и администрация. И кидать лагерь ты не имеешь права.

С е р е ж а. А почему?

Станислав Андреевич. Потому, что порядок должен быть. Вот пускай приедут родители, напишут заявление, что хотят забрать тебя. Тогда до свидания, привет из Крыма!

С е р е ж а. Как же они приедут? Они не знают.

Станислав Андреевич. Напиши им.

С е р е ж а (*насмешливо*). Напиши?! Я уже один раз написал!

Станислав Андреевич. Ну ладно тебе, много о себе воображаешь. Думаешь, кому-то нужны твои письма... Если хочешь, можешь и это отправить, оно у меня. Тихон Михайлович велел отдать. Хоть сейчас опускай в ящик. Вон он висит. (*Протянул Сереже конверт.*)

Сережа медлит, не берет письмо.

П а у з а.

Ну бери, бери, опускай в ящик-то.

Сережа не берет письмо.

Бери, говорю!

С е р е ж а. Зачем? Оно два дня или три дня будет идти, а я сам вечером дома буду.

Станислав Андреевич (*герозно, готовый взорваться*). Не будешь ты дома вечером! Ты в эти бирюльки играть со мной перестань! Мне начальник сказал, чтоб тебя в лагерь доставить, и я доставлю, будь спокоен!

С е р е ж а. Как? Что я — посылка или багаж? Ну как вы меня доставите, если я не хочу доставляться?

Станислав Андреевич. А очень просто. Вот так. (*Шагнул к Сереже и крепко захватил его за руку выше локтя. Другой рукой подхватил чемодан мальчика.*)

Сережа (пытаясь вырваться). Вы не имеете права! Отпустите! Слышите!

Собака начала рычать.

Станислав Андреевич. Давай, давай, двигай ножками!
Сережа (*Ноку*). Уйди, я сам с ним справлюсь. Отпустите! Собака на вас бросится, я сейчас ей прикажу.

Станислав Андреевич сильно потянул вперед Сережу.
Нок!

Шерсть на собаке поднялась дыбом, зубы оскалились, Нок грозно тявкнул. Станислав Андреевич в некоторой растерянности отпустил Сережу.

Вот так-то лучше. Нок, ничего, Нок, спокойно, Нок!

Станислав Андреевич. Бешеный... пристрелить надо такого. Вот напишут тебе в школу характеристику — на всю жизнь запомнишь... (*Взял Сережин чемодан.*) Ничего, за вещичками вернешься. (*Пошел.*)

Сережа. Оставьте мои вещи!

Станислав Андреевич как бы не слышит.

Оставьте вещи!

Станислав Андреевич продолжает идти.

Нок! Он ведь сам виноват, верно? Нок!

Станислав Андреевич замер. Нок готов на него броситься.

Нок (*тихо, Сереже*). Ну, давай команду!

Сережа (*тоже тихо*). Подожди! Может, обойдется без драки.

Из вокзального помещения выходит Алексей Борисович. Он, видимо, слышал поединок Сережи с физруком.

Алексей Борисович (*Станиславу Андреевичу*). Вы тоже в город?

Станислав Андреевич. Нет. Совсем в другую сторону. (*Уходит, почти бросив Сережин чемодан.*)

Алексей Борисович. Славный пес. Главное — порода хорошая. Честное слово. Типичная среднерусская дворняжка.

Сережа. Пускай. Мне породистая и не нужна. Зато он верный.

Алексей Борисович. Я не смеюсь. Такие вот дворняги очень часто бывают умнее породистых псов. (*Подошел к скамейке, хочет сесть.*)

Сережа. Осторожно, там сучок торчит, можно брюки порвать.

Алексей Борисович. Это ты тут и порвал свои сверху доизу?

Сережа. Да нет, через колючки надо было пробираться, ну и зацепился.

Алексей Борисович. Где же ты пробирался через колючки? Ты ведь из лагеря едешь.

Сережа не отвечает.

Ну, извини, опять профессиональная привычка, командировочное настроение у меня. Когда я в командировке, то у всех обо всем спрашиваю.

Сережа. Вы в командировке?

Алексей Борисович. Угу... Хочешь, я тебе расскажу маленькую историю, пока поезд подойдет? Ты любишь всякие истории?

Сережа. Люблю. А про что история? Фантастическая?

Алексей Борисович. Нет.

Сережа. Детектив?

Алексей Борисович. Пожалуй... В общем дело темное. Получили мы в редакции письмо от одного гражданина. Пишет этот гражданин про председателя здешнего колхоза, будто этот председатель зазнался, подчиненных обижает, колхозные машины в своих личных целях использует, пионеров на колхозную стройку не пускает.

Сережа (*перебивает*). Это наверно про нас. Здесь близко другого лагеря нет.

Алексей Борисович. Может, и про вас. А еще председатель заставлял студентов из стройотряда дом для его родственницы ремонтировать. Короче, не председатель, а вампир. В конце письма вместо подписи закорючка, не разберешь. Приехал я по этому письму сюда, и, представь, ничего это не подтвердилось.

Сережа. Значит, все в порядке, да?

Алексей Борисович. Ну, ты молодец, честное слово!

Сережа. Почему я молодец? Вы смеетесь?

Алексей Борисович. Я не смеюсь. Радуюсь.. Видишь ли, не везло мне сегодня с утра. Встретил двух знакомых, рассказал им эту историю. Один сказал: ничего ты, Алексей, в этом деле не разобрался, знаем мы этих председателей, все они на одну колодку, такие-раские... А другой усмехнулся: зря, дескать, я сюда гонял. И никто не понял самого главного, что человек оказался хорошим.

Сережа. Значит, письмо писал плохой человек?

Алексей Борисович. Верно. Был бы добрый, хотя бы фамилию свою разборчиво написал. А так одна первая буква «С» видна.

Сережа. Он, наверно, не хотел, чтоб его узнали.

Алексей Борисович. Вот тебе и детектив!.. Кстати, меня Алексей Борисович зовут. А то неловко получается: я твое имя знаю, а ты мое нет. (*Подает Сереже руку.*) А ты значит Сережа?

Сережа. Каховский.

Алексей Борисович (*показывая на пса*). А это?

Сережа. Нок.

Алексей Борисович. Тебя, наверно, часто спрашивают, не потомок ли ты знаменитого декабриста Каховского?

Сережа. Спрашивают. Не часто, а иногда. Но мы не декабристы, нет. У меня дедушка был красный конник. Дедушка тогда еще совсем маленький был, и родителей у него не было, он беспризорничал.

А красные его к себе взяли как раз под Каховкой, про которую песня есть. Ну и дали ему фамилию Каховский, потому что другой у него и не было. Он потом здорово воевал, даже командиром стал. Только умер он давно, его даже папа плохо помнит. И фотокарточки ни одной не осталось.

Алексей Борисович. Жаль, конечно. Но знаешь, фотография — это не самое главное. Фамилия осталась. Славная у тебя фамилия, Сергей... У меня тоже фамилия знаменитая. Сказать? Догадайся!

Сережа. Кутузов?

Алексей Борисович. Нет.

Сережа. Суворов?

Алексей Борисович. Неточно.

Сережа. Наполеон?

Алексей Борисович. Нет, не догадаешься, Сережа. Сказать? Фамилия моя Иванов. Ты что смеешься?

Сережа. Я не смеюсь. Это я нечаянно, извините.

Алексей Борисович. Думаешь — не знаменитая фамилия? Одних писателей было Ивановых двадцать два человека — я специально интересовался. А какой знаменитый был художник Иванов?

Сережа. У нас в классе Иванов есть.

Алексей Борисович. Один — это что! В нашем подъезде в трех квартирах Ивановы живут. Один, между прочим, тоже Алексей Борисович — круглый тезка. Почтальонша все время письма путает. Один раз открываю конверт, читаю: «Дорогой Алексей Борисович! Поздравляем Вас с девяностолетием и принятием в наш славный коллектива. Клуб долгожителей!» Побежал извиняться.

Сережа. Это ничего, вы же случайно. А если какой-нибудь человек нарочно чужое письмо распечатает и читает, чтобы узнать что-нибудь про другого, это как называется? Это очень плохо или не очень?

Алексей Борисович. Ты же не маленький, Сергей, наверно, сам знаешь. Тут уж как ни крути, а называется это всегда одинаково: подлость...

Сережа (*торопливо, задыхаясь*). Ну вот, вот, вот, видите, я ему так и сказал: подлость! Подлость! Подлость!

Неполное затмение. Как эхо, доносится гул голосов, и среди этого гула слышатся слова: «Подлость!», «Вон отсюда!», «Убрайся!», «Так нельзя!». Все это заглушает звук горна и дробь пионерского барабана. Стоящий около Алексея Борисовича Сережа исчезает. Но Алексей Борисович остается на месте и во время всего следующего действия что-то записывает в блокнот, иногда поглядывая на развивающиеся перед ним события.

Сцена преобразуется в пионерский лагерь в горах со снежными вершинами и живописными долинами. Но этот лагерь тоже исчезает, как мираж, и на сцене длинный одноэтажный дом — калитка и площадка с флагом на мачте. Слева и справа прибиты плакаты. На одном — «Солнце, воздух и вода — наши лучшие друзья», на другом — «Пионер — всем ребятам пример».

За искусственной выгородкой горит костер.
Костя играет на гитаре, ребята тихо поют:

У горниста Алешки Снежкова
Отобрали трубу золотую,
Говорили, что сам виноват он.
По утрам потихоньку, без спросу

Подымался Алешка с кровати,
Шел на берег по утренним росам.

И чтобы Алешка не нарушил режим,
Чтобы не разбудил кого-нибудь раньше
Срока, трубу у него взяли и заперли в шкаф.

Ну что Алешка мог сделать?

Может быть, даже плакал, закутавшись в одеяло
после отбоя,

Но трубу-то все равно не вернешь. Так и уснул.
Может, снится, как эхо сигнала
В теплый воздух толкнулось упруго
И за черным лесным перевалом
Разбудило далекие трубы...

Мчится всадников черная россыпь
Сквозь кустарник, туманом одетый,
По холодным предутренним росам
Под оранжевым флагом рассвета.

Тихо подходят Собков и Гортензия.

Совков. Посте?

Падрин. Поем.

Совков. Это хорошо. (*Оглядев всех хозяйственным взглядом.*) Продолжайте. А мы послушаем.

Костя. Да мы, собственно, допели уж.

Совков. Ну, ладно, Костя, подойди сюда.

Костя подходит.

А ты, Костя, считаешь, взрослому человеку прилично ходить в затянутых джинсах? Ты хоть небольшой, но все-таки начальник.

Костя. И что от того?

Совков. А то, что это во всем должно чувствоваться, если начальник: и в одежде, и в жесте, и по голосу. К тому же вожатый не имеет права носить черные очки.

Костя. Почему?

Совков. Потому, что они отделяют его от детей. Неприлично. Ну ладно, до утра... Спокойной ночи. Не слышу ответа.

Всехором. Спокойной ночи, Тихон Михайлович.

Совков. Нестройно, еще раз!

Всехором. Спокойной ночи, Тихон Михайлович.

Совков. Другое дело!.. Соловьев, Скатов, Падрин.

Падрин (*правляет*). Падрин.

Совков. Падрин... зайдите ко мне до отбоя.

Ребята. Есть.

Совков ушел. Гортензия за ним.

Чей-то голос. Отвали!

Сережа. Костя, а кто придумал эту песню?

Костя (*смутившись*). Да так... один человек. Нравится?

Голоса. Да... Хорошая песня... Нравится...

Костя. Ну и прекрасно. Это главное. А теперь продолжим таинственные истории. Кто желает?

Скотов. Я.

Костя. О чём?

Скотов. Про отрубленную руку и про то, как наша соседка — ведьма летала в стиральной машине.

Голоса. Чепуха!.. Не надо!..

Падерин. Про собаку Баскервилей могу. Значит так...

Голоса. Старо!.. — Читали!.. — Знаем!..

Костя. Соломин, твоя очередь!

Соломин. У меня тоже про собаку.

Голоса. Баскервилей?.. Тихо!

Голос. Нет. Про Каштанку.

Соломин. Нет. Я ее даже никогда не видел.

Скотов. Вот это да! У него была собака, которую он не видел. Умора!

Падерин. Она меньше клопа была, что ли? Смесь микробы с Кабыздохом?

Костя. Давай про собаку-невидимку! Это что-то новое.

Все устраиваются поуютнее.

Соломин. Я тогда жил у бабушки. Не в городе, а в поселке. А там овраг. Я в первую ночь никак уснуть не мог. У нас в городе ночью в окошко тысяча огней видна, а у бабушки тьма, потому что овраг, только луна вверху. Я сперва не спал — не спал, а потом собака начала гавкать. Я даже разозлился — чего спать не дает. А потом мне ее почему-то жалко стало. Она так печально лаяла. Повоет-повоет и гавкнет, повоет-повоет и гавкнет. Наверно, все время на цепи сидела — и ночью, и днем. Скучно на цепи, верно? А у меня окошко было открыто. Я подошел и давай свистеть. Негромко, а так, будто зову ее. (Посвистел.) Она замолчала. А потом гавкнула, будто спросила: это ты мне? Я тогда еще посвистел. Она уже так живо: гав-гав, будто отвечает. Вот так мы долго-долго переговаривались. Я — свист, она — гав. Потом я три раза свистнул, что кончаем разговор (*показал, как свистнул*), и лег спать. Она тоже полаяла немного и замолчала.

Сережа. А потом?

Соломин. Когда другая ночь наступила, мы опять — переговариваться. А потом еще... Каждую ночь. Она меня уже узнавала по свисту, это собака, и всегда откликалась по-всякому. Если весело начну свистеть, она тоже весело так полает, а если потихоньку, грустно, она тоже жалобно, вроде воет. В общем, у нас полные разговоры были.

Голос. А как ее звали-то?

Соломин. А откуда знаю?! Я ее даже не видел ни разу, не знаю, какая она. Днем я ее искал, да там у оврага огороды кругом, заборы высокие, не переберешься. А на свист она днем не откликалась. Видать, запирали куда.

Соловьев. Какая же она твоя? Даже не знаешь, рыжая она или еще какая. Хозяин у собаки тот, кто ей жрать дает.

Соломин. Верно. Зато она со мной разговаривала.

Сережа. Ты, Соловьев, не мешай рассказывать... Ну, а потом что, Дима?

Соломин (вздохнул). Потом я подрался с одним парнем и у меня губа распухла, сильно, и уж свистеть я не мог. Знаете, она лает, лает, всю ночь. А я хочу свистнуть и не могу, не получается. Просто не знал, что делать. Кричать, что ли. А что кричать? Как ее зовут, я не знаю, да и бабушка проснется. Пробую свистеть, губы надуваю, кровь даже сочится. А она все визжит и визжит. А потом замолчала сразу. Я уже через несколько дней, когда губа зажила, всю ночь свистел, а она не отвечала.

Падерин. Прибил кто-нибудь, есть такие гады... Им собаку убить, что клопа раздавить.

Скотов. Так и исчезла твоя собака.

Соломин. Исчезла.

Падерин. Значит, и история вся.

Соломин. Вся.

Костя. Может, и не вся. Собаки нет, но что-нибудь осталось.

Соловьев. А что осталось — ошейник, да?

Засмеялись.

Костя. Сережа Каходский, ты что-то отмалчиваешься. Или для тебя ничего таинственного на свете нет?

Сережа. Есть. Очень даже есть.

Костя. Поделись.

Сережа. У меня есть всадники.

Все опять напряглись во внимании.

Это случилось позапрошлым летом. Я попросил у тети Гали разрешения пойти с ребятами за город на озеро купаться. Жара стояла страшная. Все были, конечно, только в майках да трусах. Вдруг налетел циклон. Это бывает, когда никакие синоптики предугадать не могут. Ветер, тучи и ливень. Ледяной! Мы помчались обратно к дому, а ушли-то далеко. Прибежали домой — меня хоть выжмай и вешай на веревку вместе с трусами и майкой. Тетя Гали: ох, ох, куда, матушки, батюшки! Кинулась воду греть. Чай с малиной, мед. Ничего не помогло. К вечеру озноб, зубы стучат, и эта проклятая ангина накинулась. Заложили в кровать! В каникулы! Тоска невыносимая. День лежу, два, три. А за окном все ветер, тучи. И вот так лежу я однажды под вечер, гляжу на тучи и вижу — в них что-то мелькает, в тучах. Приподымаюсь на локтях, вглядываюсь и вижу: всадники скачут в шлемах, в бурках с пиками наперевес. У коней гривы и хвосты развеиваются. Мчат по небу, мчат!

Голос. Здорово!

Сережа. Я возьми и скажи негромко так, тихо: «Всадники, разгоните тучи, пожалуйста...» Ну, посмотрел еще немного и уснул. Утром просыпаюсь и первое, что вижу: солнце! Прямо мне в глаза! И небо — чистое, голубое — ни одной тучи. Я обрадовался. А потом загрустил.

Голос. Почему?

Сережа. Так всадники тоже исчезли! Ну, я поскучал-поскучал без них, а потом взял коробку из-под ботинок и нарезал из картона таких же всадников, что в тучах скакали. Пики сделал из рисовой со ломы от веника, сабли из серебряной обертки от чая, звезды на шлемах. Поставил их на подоконник. А тут, как назло, рванул ветер, подхватил весь мой эскадрон и сдунул куда-то. Я чуть не закричал от досады: всадники, всадники, куда же вы! И вдруг...

Возникает музыка. На заднем плане скучающие всадники. Один из них, одетый в бурку, в шлем и с саблей, выходит прямо к костру.

Всадник. Не сердись, Сергей, мы не успели предупредить тебя. Мы умчались, потому что ждали нас очень важные дела.

Сережа. А вы вернетесь?

Всадник. Если будет нужно. Мы не можем всю жизнь торчать на подоконнике, у нас еще много всяких дел. Но если тебе придется плохо, ты позови, мы примчимся. Обязательно примчимся.

Сережа. А как позвать?

Всадник. Как позвать? Ну, встань покрепче, вот так (*показывает*), локти согни, кулаки сожми, будто в одной руке поводья, а в другой шашка, и скомандуй негромко, но твердо: «Эскадро-о-он, ко мне!» И мы сразу будем тут как тут. Может быть, нас никто и не заметит, мы умеем быть невидимыми. Но ты знай: только скомандуешь — мы обязательно рядом. Запомни.

Сережа. Запомню.

Всадники исчезают.

Падерин. А дальше что?

Сережа. Ничего. Но зато теперь у меня есть мои всадники.

Соломин. А ты не пробовал их звать?

Сережа. Нет.

Падерин. Почему?

Сережа. Врагов настоящих у меня не было.

Падерин (*тихо*). Позови их... скомандуй.

Сережа. Зачем же я буду зря, точно в цирке, их показывать. Когда надо, позову.

Соловьев. Никаких всадников у тебя нет, запомни. Чушь собачья!

Соломин. Заткнись!

Падерин. А ну-ка я сам скомандую! (*Делает стойку и кричит.*) Эскадро-он-он, ко мне!

Влетает разъяренная пионервожатая Гортензия.

Прискакала одна...

Гортензия. Это еще что за крики! Вы долго будете тут околачиваться? Марш по кроватям! Живо! Сил с вами нет! Что я сказала? По местам, живо! (*Ушла.*)

Соловьев. По коням!

Расходятся, шумно напевают и смеются.
Сережа и Костя задерживаются.

Костя. Слушай, Сергей, я уезжаю.

Сережа. Когда?

Костя. Рано утром.

Сережа. Почему?

Костя. Телеграмму получил. Отец тяжело заболел, надо ехать.

Сережа. А почему ребята не знают, что ты уезжаешь?

Костя. Я никому не сказал, только тебе. И так на душе тяжело, а тут сорок человек — сорок расставаний. Девчонки еще слезу пустят.

Сережа. Без тебя скучно будет... Слушай, скажи мне слова песни, я запомню. Это ведь ты написал, я понял.

Костя. Я тебе их в письме напишу. А потом, может, еще и приеду... Иди спать, а то засекут. Будь здоров!

Сережа. Счастливо, Костя! Пусть отец поправляется.

Костя. Спасибо. (*Ушел.*)

Сережа задумавшись, стоит один, затем садится на пенек, пишет письмо и опускает его в почтовый ящик.

Скатов. Та-а-ак! Очень приятно! Еще один самовольщик гуляет.

Падерин. А! Драгун Каходский.

Скатов. Кто тебе разрешил после отбоя выползать?

Сережа. А я никуда и не заползал.

Падерин. А чего тут делаешь?

Сережа. Луну разглядываю.

Скатов. Кто разрешил?

Сережа. А тебе что?

Скатов. Как что? Мы облава.

Сережа. Кто?

Скатов. Облава, говорю. Директор сегодня нас дежурить нарядил, чтобы таких, как ты, ловить нарушителей. Имей в виду, директор велел всех, кто нарушает, отправлять на гауптвахту и держать там до выяснения.

Сережа. Куда отправлять?

Соловьев. В пионерскую комнату под замочек, под арест, пока он сам не придет и не разберется.

Падерин. Гы-ы-ы, да ты не бойся, не заскучаешь, там уже три гаврика сидят, веселятся.

Сережа. Ну иди и веселись с ними заодно.

Скатов. Ты поговори! Иди лучше добром! Нам директор приказал. За мной!

Сережа. Приказ дуракам на показ. Пусть он сам сидит под арестом, если хочет. Здесь не кадетский корпус.

Скатов. Взять!

Соловьев и Падерин схватили Сережу. Обмотали веревкой. Тот вырывается. Почти со свистом негромко кричит: «Не смейте! Пустите!»

Ладно, пустите. Дитя готово разрыдаться, маму звать начнет.

Соловьев и Падерин отпускают Сережу.

Падерин. Точно, заплачет. Вот ты их и позвал бы — своих наездников, пусть они тебя спасают. Потеха!

Сережа. А зачем мне всадники? Я и сам с вами могу.

Соловьев. Ну ладно, командир лошадиной дивизии, топай вперед.

Сережа. Никуда я не пойду.

Падерин. Ах, так! (Готов опять наброситься на Сережу.)

Входит Сокров.

Сокров. Что случилось?

Скатор. Ничего страшного, Тихон Михайлович. Самовольщик нервничает. На луну, говорит, любовался. А теперь брыкается.

Сокров (Сереже). Кто позволил гулять в такое время?

Сережа. Я с Костей разговаривал и случайно задержался.

Сокров. Надо было у меня спросить. Ладно, ступай.

Сережа (пошел, обернулся — и со злостью). А они меня пусть лучше не трогают, я под их дудку танцевать не буду.

Гортензия. Подожди. Слушай, Кауховский, ты про каких-то конников рассказывал. Ты на большом костре мог бы эту сказку рассказать?

Сережа. Какую сказку?

Гортензия. Ну, про этих волшебных коней или летающих верблюдов.

Сережа. Кто вам сказал про сказку?

Гортензия. Вот они. (Кивнула на ребят.)

Сережа. Пусть вам эти верблюды и рассказывают.

Сокров. А ты грубянин, Кауховский. Тебя по-хорошему просят, а ты... Ну, марш в помещение! (Соловьеву, Скатору, Падерину.) Вы свободны.

Сережа пошел к дому.

Ребята ушли. Ушел и Сокров.

Но Сережа вернулся к костру. Достал листок бумаги, ручку и у тлеющего костра пишет письмо. Написал, положил в конверт, заклеил, написал адрес и опустил в почтовый ящик, прибитый на сосне. Ушел в дом. Тихо появляется Сокров. Подошел к почтовому ящику, вынул из кармана ключ, открыл ящик. Оттуда на землю посыпались ребячье письма. Сокров подбирает их, начинает вскрывать.

Что там пишет внучек — надо деду знать.

Затемнение. Музыка. Раннее утро.

Линейка. Горн, барабанная дробь. Перед строем директор.

Ну вот что, мои юные адмиралы и генералы! К сожалению, отдельные безобразные случаи так и не прекращаются. Администрация будет вынуждена... Есть меры, которые заставят нарушителей... Ну, чего вам не хватает?! Территория благоустроенная. Аттракционы всякие. Порядок надоел? Так ведь порядок этот не назло вам, а чтобы избежать несчастных случаев. Вам бы все скакать да гулять в любое время до ночи, а мы, взрослые, за вас отвечаем. Понимаете: отвечаю. Совести у вас нет, вот что. Безобразничаете, а потом еще жалуетесь родителям. Приезжайте, мол, заберите отсюда, а то здесь как в тюрьме, видите ли.

Голос из линейки. А кто жалуется?

Сокров. Да есть такие. (Цитирует по письму.) «Папа, приезжай,

а то все плохо. И на рыбалку нельзя, и купаться нельзя. Директор кричит». А тонуть можно, я спрашиваю.

Пауза.

Сережа (прорезая общую тишину). Это вы про мое письмо говорите?

Сокров. А что — может быть, я говорю неправду?

Сережа. Значит, вы его читали?

Сокров. Может, ты хочешь сказать, что я лгу? Я могу прочитать твое письмо на линейке.

Напряженная тишина.

(К ребятам.) Хотите?

Соловьев. Мы вам верим, Тихон Михайлович.

Напряженная тишина.

Сережа. Значит, вы его читали? Но ведь это подłość!

Сокров. Что?!

Сережа. Я сказал: это подłość!

Гортензия. Ой-ой!

Сокров. Вон из лагеря! Убирайся! Чтоб духу твоего не было!

И в горах эхом разносится: «Подłość! Подłość! Подłość!» Линейка развалилась. Ребята загудели. Музыка. Сквозь нее только слышно слово «подłość» и какая-то неразборчивая брань Сокрова.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Снова станция Роса. Алексей Борисович, Сережа и Нок.

Сережа (как бы продолжая рассказ). В общем, я переночевал и ушел. Хорошо, что чемодан был не на складе, а под кроватью. Я его как раз взял со склада, чтоб рубашку сменить.

Алексей Борисович. Да, заварил ты кашу. А знаешь что, Сергей, тебя будут обвинять в дезертирстве... Скажут, не уходить надо было из лагеря, а доказывать свою правоту, раз уж ты уверен, что прав.

Сергей. Кто скажет?

Алексей Борисович. Да кто угодно. Ребята или тот же начальник лагеря.

Сергей. Я не дезертир. Я не из-за трусости. Просто доказывать там некому. Костя уехал, а ребята... Они ведь знают, что нельзя читать чужие письма, знают, а молчат. А Тихон Михайлович? Что я ему могу доказать. Он ведь думает, что с ребятами все что угодно можно делать.

Алексей Борисович. Сейчас он так, наверно, уже не думает.

Сережа. А вы? Вы думаете, я дезертир?

Алексей Борисович. Нет... Слушай, а почему этого Тихона Михайловича так разозлило письмо? Что ты там такого написал?

Сережа. Да ничего особенного. Вот посмотрите. (Вытащил из кармана помятый конверт.)

Алексей Борисович. Постой, Сережа, а откуда оно у тебя?
Разве начальник вернул его?

Сережа. Физрук отдал. Ну, он меня тут догонял, уговаривал вернуться.

Алексей Борисович. Это тот гражданин, с которым ты бедословал?

Сережа. Тот самый.

Алексей Борисович. Значит, можно прочитать письмо?

Сережа. Читайте, пожалуйста.

Алексей Борисович. Нет, Сережа, не буду. Если хочешь, прочти мне его сам.

Сережа. Пожалуйста. (Развернул листок.)

Алексей Борисович. Подожди! Где ты взял такую бумагу?

Сережа. Да в лагере ее сколько угодно. Это какие-то старые конторские книги, мы из них отрядные дневники делали, а что?

Алексей Борисович. Да так... любопытно.

Сережа (начинает читать письмо). Здравствуйте, папа, тетя Галя и Марина! У меня все в порядке. Недавно мы ходили в поход с палатками, только ночевать не стали, потому что вожатая испугалась грозы. В общем, здесь хорошо. Но знаешь, папа, если по правде сказать, мне здесь не нравится. Скучно. Только костры и песни хорошие. И ребята хорошие есть. Но и плохих хватает. И директор все сорет и орет. В общем, папа, лучше бы ты приехал за мной. Поехали бы на рыбалку, а то все собираемся мы с тобой да собираемся. А здесь даже не порыбачишь. Одному на речку не дают нос сунуть, а когда целая толпа, какая же рыбалка. Даже не искупнаешься как следует. Только залезешь, уже кричат «вылезай!» Ты не думай, что я жалуюсь. Если тебе надо, я проживу всю смену, но ты ведь просил писать честно. Лучше бы ты приехал за мной. Здесь, знаешь, почему плохо? Потому что каждый день одно и то же. А если плохо, то зачем мучиться? Но если ты не можешь, не приезжай.

Алексей Борисович. Та-а-ак... Сережа, можно я возьму вот эту часть бумаги, которая не исписана?

Сережа. Конечно, возьмите. А зачем?

Алексей Борисович (отрывая от письма половину листа). Да так, пригодится. В морской бой можно играть. Тут клетки подходящие. До поезда все равно еще много времени. Ты умеешь играть в морской бой?

Сережа. Конечно.

Алексей Борисович. Отлично!

Сережа. А вы... Вот вы сейчас слушали... Как вы думаете, что в нем такого?

Алексей Борисович. Такого — ничего.

Сережа убрал письмо в карман.

Сережа, скажи, пожалуйста, а тетя Галя — она кто, твоя тетка?

Сережа. Она папина жена. Мамы у меня нет, она умерла.

Алексей Борисович. Извини, брат, перестарался я со своим любопытством.

Сережа. Ну что же такого! Конечно, непонятно: папа и тетя Галя... А вы были в Сибири?

Алексей Борисович. Еще не бывал. А что?

Сережа. Мама у меня в Сибири умерла. Поехала в командировку геологом и... Я ее хорошо помню, хоть мне было пять лет. У меня ее карточка есть. Хотите, покажу?

Алексей Борисович. Покажи, пожалуйста.

Сережа из нагрудного кармана достает маленький блокнотик и вынул из него фотографию. Алексей Борисович положил снимок на ладонь.

Особенная у тебя мама. Даже невероятная. И молодая совсем.

Сережа. Двадцать четыре года было.

Алексей Борисович. Ой-ой-ой... (Отдал фотографию.) И карточка всегда с тобой?

Сережа. Всегда... (Положил карточку обратно в блокнот, блокнот в нагрудный карман, застегнул пуговицу на грудном кармане.) Ну, давайте в морской бой.

Уселись на скамейке, быстро разметили клеточки.

Алексей Борисович. Начинай!

Сережа. Е-3.

Алексей Борисович. Здорово! Попал... Д-1.

Сережа. Промазали! Ж-7.

Алексей Борисович. Слушай, ты подглядываешь, что ли?
(Вдруг заметил Нока, который подсматривает за ним.) Ах ты!

Сережа (смеется). У меня метода разработана!

Алексей Борисович. К-2.

Сережа. Мимо! В-5.

Алексей Борисович. Ага, промазал!

Слышно, как таращится газик. Вот он остановился где-то недалеко, и к станции вышел сам Тихон Михайлович Совков.

Сережа (тихо). Ну вот, директор приехал...

Алексей Борисович (как бы не отрываясь от игры). Иши!

Сережа (тихо). Теперь начнется все сначала.

Алексей Борисович. Мм-да...

Сережа. В лагерь я все равно не поеду.

Алексей Борисович. Смотри, в конце концов, твое дело.

Сережа. Не поеду я.

Алексей Борисович. А если не поедешь, зачем нервничашь? В-1.

Сережа. Промазали! Г-4.

Алексей Борисович (посмотрел в ту сторону, откуда до несся сигнал машины). Ах ты, каналья, угадал!

Совков. Может быть, Кауховский, обратишь на меня внимание?

Сережа. Я обратил. В-6, Алексей Борисович.

Совков. Может, ты хотя бы поздороваешься?

Сережа. Здравствуйте.

Алексей Борисович. Та-ак!..

Сережа. Вот и вы попали, Алексей Борисович.

Алексей Борисович. Превосходно! Видишь, и я снайпер!

Совков. Гражданин, я, кажется, разговариваю с мальчиком, просил бы не мешать.

Алексей Борисович. Разве я мешаю? Мне показалось, что мальчик сам не очень охотно общается с вами.

Совков. Этот мальчик сбежал из лагеря, вам это известно?

Алексей Борисович. Мне Сережа изложил ситуацию, так сказать, в общих чертах. Правда, не совсем так, как вы. Он сказал: не сбежал, а ушел из лагеря. Кажется, вы не сошлись во взглядах на тайну переписки, кстати, охраняемую законом.

Совков. При чем тут закон? Вы что — угрожаете мне?

Алексей Борисович. Ну что вы, товарищ начальник лагеря! Ну, чем я вам угрожаю, посудите сами. Разве я похож на человека, который может угрожать?

Совков. Тогда почему вы вмешиваетесь? Собственно, кто вы такой?

Алексей Борисович. Да я и не вмешиваюсь, я просто отвечаю на ваши вопросы. Кто я такой? Сережин попутчик. Вместе сядем, когда придет поезд. А в общем-то, Тихон Михайлович, я думаю, вы меня еще не забыли. Мы с вами как-то разбирали один сложный вопрос о выгрузке овощей из вагона, помните? По правде говоря, я не думал, что после той истории вы займете пост начальника пионерского лагеря: дети чем-то слегка отличаются от овощей.

Совков (хмуро). А-а-а, это вы, товарищ корреспондент... Не помню вашей фамилии.

Алексей Борисович. Это и неважно. Тем более, что фамилия у меня мудреная.

Совков. У вас удивительная способность возникать где не надо, гражданин Иванов.

Алексей Борисович. Видите ли, тут у нас с вами точки зрения очень различные. Когда вы считаете — не надо, я думаю — именно надо. Да вы не волнуйтесь, товарищ Совков, с Сережей я случайно познакомился. Я в этих краях по другому вопросу оказался. Точнее, по другому письму. Понимаете, какой-то гражданин, не то Сапогов, не то Сачков написал про председателя здешнего колхоза, будто тот сущий жулик. Не длинное письмо, но выразительное. Кстати, чрезвычайно смешно: написано на той же бумаге, что Сережино. Он мне тут свое письмо показывал. Хорошая бумага. Где вы раздобыли ее для лагеря, Тихон Михайлович?

Совков. Я вас попросил бы... Кто дал вам право делать намеки и клеить на меня ярлыки? Не писал я никаких писем. У меня с председателем прекрасные отношения.

Алексей Борисович. Ну и прекрасно! Тем более, что письмо не подтвердилось. Председатель отличный человек.

Совков. Я не понимаю, зачем вы мне про все это рассказываете?

Алексей Борисович. Да просто так. Делюсь заботами. Думал, вам интересно, учитывая вашу любовь к чужим письмам.

Совков. Я просил бы не вести таких разговоров при детях.

Алексей Борисович. Прошу прощения. Но ведь дети — они про все знают.

Совков. Давайте кончим разговор. Я выполняю свои обязанности, а ребенок самовольно покинул лагерь, и я должен увезти его назад. Почему вы мне препятствуете?

Алексей Борисович. Я препятствую? (*Отодвинулся от Сережи.*) Помилуйте, каким образом я препятствую? Увольте, пожалуйста.

Совков. Вот что, Каховский, надо заканчивать эту историю, ты сам понимаешь. Давай, дорогой товарищ, забудем все эти грустные события, сядем в машину и в лагерь. (*Пропел.*) «Еще ждут нас большие дела».

Сережа. Извините, Тихон Михайлович, я не поеду, я же сказал.

Совков. Видели?! Он сказал! Фигура! Ты думаешь, ты лучше всех? За что ты всех нас возненавидел?

Сережа. Кого?

Совков. Весь лагерь.

Сережа. Никого я не возненавидел. Просто мне лагерь не нравится.

Совков. Сейчас не нравится, потом понравится.

Сережа. Нет. Все равно хорошо уже не будет. Да вон у меня еще и собака. В лагерь все равно не пустят.

Совков. При чем тут собака? Я приехал не за собакой, за тобой. Бродячих собак я, конечно, в лагерь пускать не собираюсь.

Сережа. Он не бродячий, он мой. Бросить я его не могу. Раз мой, я за него отвечаю.

Совков. А я отвечаю за тебя, понимаешь, за тебя! Я не имею права отпустить тебя из лагеря.

Сережа. Вы и не отпускаете меня, я сам уезжаю.

Совков. Вот именно сам, самовольно. Ты думаешь, это тебе так сойдет? Не думай, голубчик! Мы и родителям сообщим, и в школу про все твои фокусы. И как собаку натравливали на Станислава Андреевича. За такие дела знаешь что — в колонию!

Сережа. Я не натравливал. Он меня схватил, а Нок зарычал.

Совков. Эти сказки ты потом будешь рассказывать. Не здесь и не при мне. Станислав Андреевич врать не будет. Собака бросилась за ним вслед.

Алексей Борисович. Прошу прощения, но ваш Станислав Андреевич несколько преувеличивает, так сказать. Я был свидетелем этой сцены. Собака вела себя вполне интеллигентно... в отличие от Станислава Андреевича.

Совков. Что вы вмешиваетесь? (*Сереже.*) Последний раз спрашиваю — поедешь в лагерь?

Сережа. Нет.

Совков. Ну ладно, я пошел за милицией.

Алексей Борисович. Вы что-то путаете, это — не тот лагерь, куда приводят с милицией.

Совков (зло). Я не понимаю, чего вы хотите? Чтобы я отпустил его одного домой? Интересно, что бы вы делали на моем месте?

Алексей Борисович. На вашем месте я бы помнил, что никто не имеет права читать чужие письма. Помнил бы также, что у детей есть чувство собственного достоинства, которое никому не позволено оскорблять, да еще публично. И что каждый человек имеет право порвать отношения с тем, кто его оскорбил. Возможно, это не следует говорить при детях, возможно, это не педагогично, прошу извинить. А посоветовать вам я могу вот что: раз мальчик категорически отказался жить в лагере, надо назначить ему провожатого, пусть доставит его домой. Странно, что это не пришло вам в голову.

Совков. Если каждый мальчик начнет бегать из лагеря, у меня людей для провожания не хватит. У меня вожатые есть, а провожатых нету.

Алексей Борисович. Ну, если у вас начнут бегать все мальчики, значит, в лагере что-то не так. А о провожатом для Сережи не беспокойтесь, я могу эту роль взять на себя, раз уж так получилось.

Совков. Я не понимаю, в конце концов, зачем вам нужно, чтобы он не возвращался в лагерь? Чего вы хотите?

Алексей Борисович. Я ничего не хочу. Просто думал вам услугу оказывать — проводить мальчика.

Совков. Знаю я ваши услуги, товарищ корреспондент... Каховский, в последний раз спрашиваю: поедешь в лагерь?

Сережа. Нет.

Совков. Ну и прекрасно, так и запишем. А про вас, товарищ корреспондент, я напишу в редакцию, о вашем поведении, имейте в виду.

Алексей Борисович. Буду иметь. Только подписывайтесь разборчивее. А что мы встретимся — это непременно. Вас известят о месте и времени встречи.

Совков круто повернулся и ушел к машине.

Нок (Сереже). Тяжкнуть ему на прощание?

Сережа. Не надо. Береги нервы.

Ощетинившийся Нок провожает Совкова. Хлопнула дверца машины. Звук отъезжающего газика. Нок возвращается и ложится у ног Сережи.

Кажется, все. Отцепились.

Алексей Борисович. Будем надеяться... Хотя, должен тебе сказать, Тихон Михайлович Совков — человек упрямый.

Сережа. Вы его знаете, да?

Алексей Борисович. Встречались. Не всегда он был начальником лагеря.

Сережа. Вот вы сказали про овощи. Неужели он жулик? Овощи воровал?

Алексей Борисович. Ну, Сережа, воровал — это слишком примитивно. Дело сложнее. Усушка, утруска, припiska. Подрастешь, узнаешь... Да ну его к лешему! Ты что приуныл?

Сережа. Я не приуныл. Все в порядке.

Алексей Борисович. Тогда продолжим. Бой еще не закончен.

Сережа. Г-3.

Сышен шум приближающегося поезда.

Алексей Борисович. Э-э-э! Так мы все на свете пропустим. Хватай пожитки! Тут поезд одну минуту стоит.

Сережа. Нок, ко мне!

Собака подбежала. Сережа взял ее за поводок.

Нок. Поехали?

Сережа. Поехали! (Алексею Борисовичу.) Скоро представлю его моим домашним.

Алексей Борисович. Вот обрадуются!

Поезд подошел к станции. Никто не вышел, и никто, кроме наших знакомых, не собирается сесть в вагоны. От поезда идет молоденькая проводница с чайником.

Проводница. Граждане, вы куда с собакой?

Алексей Борисович. Как — куда? В вагон, разумеется.

Проводница. Ха! В вагон нельзя. Вы что — маленький, пра-
вил не знает?

Сережа (весело). У нас билет на него есть.

Проводница. А намордник?

Сережа. Какой намордник? Зачем? Он еще совсем щенок.

Проводница. А нас не касается — щенок или пожилая соба-
ка. Намордник для всех обязателен. Смотрите, самовольно влезете,
позову кого следует. (Хочет идти за кипятком.)

Алексей Борисович. Подождите! Ну что же нам с ним де-
лать?

Проводница. Это я не знаю.

Алексей Борисович. Не бросать же его. Сердце-то у вас
есть?

Проводница. Сердце здесь, гражданин, ни при чем. Если
контролер по вагону пойдет, ему до моего сердца дела не будет. А я
из-за вас премии лишусь.

Алексей Борисович. Да пока контролер пойдет, мы какой-
нибудь намордник сообразим.

Проводница. Вот сначала сообразите, а потом залезать в вагон
будете... Ну вот, слышите, отправление дали. Из-за вас телеграм-
му маме не успела дать. Бессердечные вы люди! (Ушла.)

Сережа и Алексей Борисович стоят в растерянности.

Алексей Борисович. Фу ты, как глупо вышло!.. Молодая
женщина, а уже бюрократка. И не придерешься — ведь инструкцию
соблюдает.

Сережа. Вам надо было уехать, Алексей Борисович. Я виноват,
вот я и сидел бы здесь. А теперь и вы из-за меня застряли.

Нок жалобно скрипит.

Алексей Борисович. Да не скули! Нам самим реветь впору.

Сережа. Ну что теперь делать?

Алексей Борисович. Ну что делать... Сначала делать намордник. Потом еще раз сыграем в морской бой. Через полтора часа, насколько я помню, должен еще поезд быть.

Сережа. А из чего намордник делать будем?

Алексей Борисович. Проблема! Ну, думай, думай! От моего фотоаппарата ремешок возьмем. У меня в сумке фотоаппарат есть.

Сережа. А вам не жалко?

Алексей Борисович. Жалко, конечно. Но, как говорится в одной комедии, «теряют больше иногда!». (*Ищет ремешок.*) Где он, ой-ой! Поищи кусок проволоки. Ножик у меня есть. А я ему пока морду измерю. (*Притянул к себе Нока. Тот сопротивляется.*) Спокойно, спокойно, ты, беспризорник! Никакой культуры у тебя, никакого воспитания. Вот нацепим намордник, сразу почувствуешь, что такое дисциплина.

Вернулся Сережа с кусочком проволоки. Пес вырвался, подбежал к Сереже.

Нок. Какой намордник, зачем это?

Сережа. Намордник на морду.

Нок. Ни за что!

Сережа. Надо.

Нок. Не хочу.

Сережа (*строго*). Нок!

Нок. Что?

Сережа. Придется тебе намордник надеть.

Нок. Да зачем это?

Сережа. Тетя велела.

Нок. Ей так хочется?

Сережа. Да.

Нок. Ну и надевала бы себе на рыло.

Сережа. Опять словечки! Какая ты задиристая собака. Характер!

Нок. А если собака покладистая, она не собака, а теленок... Сначала ошейник, потом намордник, потом еще что-нибудь выдумаете.

Алексей Борисович. Что она у тебя разлаялась?

Сережа. Она не лает. Разговаривает.

Алексей Борисович. И ты понимаешь?

Сережа. Конечно.

Алексей Борисович смеется.

(*Собаке.*) Договоримся так. Я тебе намордник надену временно, потом сниму. Есть, понимаешь, железнодорожные правила, инструкция.

Нок. Господи, сколько у вас всяких правил и инструкций, сдохнуть можно!.. Разрешаю только изувечения к тебе. Надевай! Как перенесу такой позор, не знаю...

Сережа. Спасибо, Нок. Ничего не поделаешь. Папа мне всегда говорит: помни, сын, терпение тоже оружие.

Вышла женщина, та, что мыла крыльца. Она принарядилась, в руках у нее хозяйственная сумка. Видимо, она отправляется за продуктами.

Женщина. Чего это вы, граждане пассажиры, не уехали? Видать, понравилось у нас?

Алексей Борисович. Приключение... Так получилось. Из-за этого пассажира. (*Кинул в сторону пса.*)

Сережа. Не пустили без намордника.

Женщина. Правило такое есть. А в общем-то как повезет, на кого наткнешься. Когдапускают — когда непускают. А сейчас, ядумаю, гражданине, самый правильный вам выход, — это шагать до трактира, ловить попутку до города. Ежели вы, конечно, тут ночевать не собираетесь.

Алексей Борисович. Почему же ночевать? Скоро следующий поезд будет.

Женщина. Какой такой поезд, милый гражданин? Сегодня поездов в ту сторону больше не будет.

Алексей Борисович. Как же не будет? А в шестнадцать двадцать девять? Я же на прошлой неделе ездил на нем.

Женщина. Ах, гражданин, гражданин рассеянный с улицы Бассейной! Это ты в субботу или воскресенье ездил, точно! Есть такой поезд по выходным дням, дополнительный значит, чтобы дачников возить. А сегодня нету.

Алексей Борисович. Ну, дела! (*Сереже.*) Одно к одному, брат!

Сережа. Все из-за меня.

Алексей Борисович. Нет, Сергей, ты эти речи брось. Что ты в самом деле нос опускаешь... Давай подумаем. Значит, так. На шоссе нам идти не стоит, мало надежды. Грузовики нас не возьмут, их тоже никто непустит.

Сережа. Может быть, пешком?

Алексей Борисович. Шестьдесят-то километров? Да на голодное брюхо? Это, брат, не та романтика.

Женщина. Верно, пешком не тот фасон. Так что самое вам хорощее дело: сходите в поселок в столовую, похарчуйтесь да оставайтесь ночевать. Ежели негде, то могу вас у себя устроить, коли такой случай.

Алексей Борисович. Спасибо за предложение.

Женщина. Глядите в общем... я в магазин и обратно.

Алексей Борисович. Спасибо вам.

Женщина ушла.

Ночевать нам, Сергей, не годится. Мне вечером позарез надо дома быть. Да и тебе не стоит зря здесь болтаться... Мало ли что... Есть один способ. Хватай чемодан и пошли. Только быстро.

Сережа. А куда?

Алексей Борисович. На реке километрах в полутора отсюда катера швартуются. Если какой мимо пойдет, посигналим. Может, повезет. Катер, конечно, не экспресс, но к сумеркам до города доберемся. Ну, а если не повезет, будем считать: у нас с тобой еще одно приключение.

Сережа. Нок, за мной!

Ход героев к реке.

З а т е м н и е.

Возникает берег с причалом. У причала катер.

Алексей Борисович. Дружище, постой-ка, нам, кажется, крупно повезло. Поднажмем!

Подошли к катеру.

Эй, на крейсере!

Из рубки вышел широколицый веснушчатый парень. Он напевает, не обращая внимания на крик. Появляется Володя.

Володя. Что за крик?

Алексей Борисович. Володя! Ну, как я рад! Здравствуй!

Володя. Здравствуйте, Алексей Борисович. Опять встреча!

Парень. Эй, Володя! Как дела?

Володя. Да нормально.

Алексей Борисович. Сережа, это капитан Володя. Он прошлой весной снял меня с необитаемого острова?

Сережа. Откуда?

Алексей Борисович. С необитаемого острова. А на острове этом я оказался по милости местных браконьеров. Я их застукал, когда они острогой рыбу били. Те меня в охапку, высадили на необитаемое острове, а сами тягу. Я там целые сутки Робинзоном бегал.

Володя. Да вы и сейчас, мне кажется, товарищ Иванов, вроде Робинзона, только не один, а с Пятницей. Да еще Суббота в придачу. Опять транспорт ищете?

Алексей Борисович. Угадал насчет транспорта. В город позарез нужно! А насчет Пятницы это ты ошибаешься. Мы с Сергеем и Ноком равноправные путешественники.

Володя. Да я не к тому. Я про Пятницу вспомнил, потому что сегодня как раз пятница.

Алексей Борисович. Ну вот, а в данный момент ты ошибаешься, мой капитан. Сегодня четверг.

Володя. Никак нет, товарищ Иванов, сегодня, к вашему неудовольствию, именно пятница. Потому я здесь и пришвартовался. Ксения моя взяла на пятницу билеты в цирк на семь вечера, а к семи нам не успеть. Мы на базу в Решетниково запчасти возили, а там нас задержали. Вот я и побежал звонить ей по телефону, чтобы не волновалась. Тут водоразборная станция, а на станции телефон есть.

Алексей Борисович. Черт, как же это я! Неужели пятница... Сергей, что же ты молчал!

Сережа. Алексей Борисович, вы же не спрашивали, какой сегодня день. А разве обязательно надо, чтобы четверг?

Алексей Борисович. В том-то и дело. Я с ребятами из школы договорился, чтобы написали про свою работу. Договорились, чтоб обязательно в пятницу привезли, потому что в субботу редакция не работает. Ах, братцы, насквозь склероз!

Володя. Да что вы, Алексей Борисович, у вас не склероз, у вас характер такой. Помните, когда я вас с острова снимал, вы там свою сумку оставили и пришлось назад возвращаться. Только сумку взяли, отчалили, вы вспомнили: фотоаппарат на сучке висеть остался.

Алексей Борисович. Ребята, значит, уже там... Как бы их хотя бы известить...

Володя. А вы сходите на водоразборную, звякните по телефону, объясните.

Алексей Борисович. Подождешь, Володя? А телефон работает?

Володя. Лучше бы не работал. Знаете, как Ксения голову мне мылила.

Алексей Борисович. Точно, пятница?

Володя. Да пятница, пятница.

Алексей Борисович. Извините, друзья, склероз, склероз.

Володя. А я говорю — характер.

Алексей Борисович. Нет. Вот (*показывает на Сережу*) молодой человек — этот ничего не забудет, потому что голова свежая, чистая.

Сережа (*крикнув*). Алексей Борисович, куртку-то я на скамейке забыл!

Алексей Борисович. Тыфу ты, будь ты неладно! Ну, шут с ней, с курткой, она у тебя такая рваная, в утиль не возьмут.

Сережа. Там же письмо в кармане осталось. Найдет кто-нибудь, читать будет.

Алексей Борисович. Оно, Сергей, уже читанное.

Сережа (*очень тихо*). А еще там в кармане карточка маминой.

Алексей Борисович. Мм-да-а...

Сережа. Найдет кто, начнет шарить по карманам, достанет фотографию да бросит в траву. (*К Володе.*) Товарищ капитан, я очень важную вещь оставил. Разрешите, я очень быстро. Можно? Тут не очень далеко.

Володя. Да что случилось-то, товарищи? (*К Иванову.*) Чего это малец расстроился?

Алексей Борисович. Вещь важную на станции оставил.

Володя. Так пускай малец сбегает. Мне теперь без разницы: Ксения все равно на меня карантин наложила. По три дня выдерживает, я уж знаю. Беги, парень. Туда и обратно трех километров не бывает, в полчаса обернешься. (*Алексею Борисовичу.*) А вы пока до телефона пойдете.

Алексей Борисович. Неужели пятница, Сергей?

Володя. Пятница. Да.

Алексей Борисович. Пятница. (*Уходит.*)

Сережа. Нок, за мнай! (*И уже на бегу.*) Я в один миг!

Свет гаснет.

И снова привокзальный дворик.
Куртка Сережи в руках у Витьки Соловьева, Женьки Скатова и Васьки Падерина.

Падерин. Братва, куртка-то здесь, значит...

Соловьев. А может, он ее просто бросил. Рванина редкая.

Скатов. Бросил? Так все бы из кармана вынул. А там звякает.

Падерин. Вернется! Точно!

Соловьев. А может, там какие железки бренчат. Пошарь.

Падерин шарит в карманах куртки, расстегивает нагрудный карман, вытаскивает записную книжку. Именно в этот момент вбегают запыхавшийся Сережа и пес Нок.

Сережа. Не тронь!

Падерин. Гы-ы, а вы говорили — уехал. Вот он, вовсе и не уехал даже. Гулял.

Соловьев (*Сереже*). Привет, беглец!

Сережа. Чего это вы явились?

Скотов. За тобой, солнышко.

Соловьев. Нас из-за тебя на речку не пускают и в лес.

Сережа. А я при чем?

Соловьев. А при том, что сказали: если отпускать, то все начнут разбегаться, как ты. Больно хитрый! Сам до хаты, а мы из-за тебя по палаткам сидеть должны.

Сережа. Врете вы все! Вас директор послал.

Падерин. Ладно, не твое это дело.

Сережа. В лагерь я все равно не пойду.

Соловьев. За уши притащим!

Сережа. Надорветесь!

Скотов. Управимся!

Сережа. Не имеете права! У меня даже вещей нет, они на берегу остались.

Соловьев. На каком это берегу?

Сережа. Там меня ждут. Катер ждет.

Падерин. Его катер ждет! Адмирал выискался! Может, целый линкор?

Соловьев. Да ты не волнуйся, цыпочка. Что тебе катер, за тобой в лагерь персональный самолет пришлют.

Сережа. У меня там чемодан. Если за меня ничего не будет, за вещи все равно ответите.

Скотов. На кой нам твой чемодан, нам про него ничего не сказали. Может, ты его куда выбросил или запрятал. Нам не чемодан, а тебя велели в лагерь притащить.

Сережа. Шпана! Вы шпана, вот вы кто!

Скотов. Ты потише! Мы пионеры, а не шпана.

Сережа. Вы пионеры тире шпана.

Соловьев. Ах, ты так... Взять его и тащить волоком...

Падерин (*опешил*). Как это волоком? Четыре-то километра?

Кишки оборвешь.

Скотов. Последний раз тебе говорим: иди добровольно. Там тебе отдельная комната приготовлена в изоляторе. Будешь сидеть, маме письма писать. А уж потом при всем честном народе на линейке тебе коленкой под мягкое место.

Соловьев. И галстучек снимут.

Падерин. Галстучек не снимут. Гортензия говорит, что в лагере нельзя исключать из пионеров. А то бы запросто.

Скотов. Сдаешься?

Сережа. Нет!

Падерин. Взять его!

Соловьев (*боязливо*). А собака?

Падерин. Идите сюда.

Скотов и Соловьев подошли к Падерину и о чем-то шушукаются. И вдруг двое бросаются на пса, а Падерин на Сережу. Идет схватка, во время которой Скотову и Соловьеву удалось схватить щенка, а Падерин повалил Сережу.

Будешь лежать или пойдешь?

Сережа. Буду лежать.

Падерин. Ну что ж, тебе же хуже!

Сережа. Хуже всех будет вам.

Нок. Сережа, тебе больно?

Сережа. Ничего, вытерплю.

Ребята связали Сережу. Падерин взял крапиву и сунул ему в лицо.

Падерин. В последний раз: не пойдешь?

Сережа. Ни за что!

Падерин. Так! Женя, Ваюська, вздернуть собаку на том суку.

Сережа. Что??

Падерин. Кому приказано!

Ребята начинают тянуть Нока к дереву.

Сережа. Живодеры! Не смейте!

Нок. Сергей, не сдавайся. Я все равно никому не нужная собака!

Беспрizорная!

Сережа. Нет, не беспрizорная, у тебя есть имя: Нок. И ты мне очень нужен, очень!

Скотов. С ума сошел! На собачий лай отзывается. Бросим, ребята, а то и он, и собака взбесится. Жалко его.

Падерин. Не рассуждать! Ну, тяните.

Скотов и Соловьев хотят подтянуть собаку к сучку на дереве.

Соловьев. У меня руки дрожат.

Скотов. И у меня.

Падерин (*Сереже*). Последний раз спрашиваю. Пойдешь?

Нок (*кричит*). Нет!

Соловьев. Отпустите его, а то отвечать придется.

Падерин. А без него в лагерь приедем — думаете, не отвечать?

Тяните, трусы!

Видя, что приятели не реагируют, он отпустил Сережу, бросился к собаке и сам ухватил веревку. Сережа стремительно вскочил и пошел на Падерина с отчаянием человека, готового на любую схватку. Соловьев и Скотов схватили его. Сережа молча рванулся.

Скотов (*Падерину*). Да отпусти ты щенка... А то хозяин взбесится. Вон уже белый весь...

Соловьев. Видишь, сейчас заплачет. Мамочку звать начнет.

Падерин начинает тянуть веревку, переброшенную через сучок.

Падерин (*насмешливо*). Не... Он не маму.. Он всадников своих позовет сейчас... Мюнхгаузен. Ну, зови своих всадников!

Сергей. Эскадро-о-он! Ко мне!

Он замер, и замерли его приятели, потому что в нарастающей музыке отчетливо слышался гром копыт. Это продолжалось какой-то миг, но Сережа успел вырваться, броситься к Ноку, схватить его. Отовсюду, так что нет пути для отступления, разом появились конники в буденновской форме.

Конник (*остолбеневшим ребятам*). Не трогать!

Затемнение.

Вечер. Речной причал. Слышино, как на холостом ходу стучит мотор катера. (*Может быть виден борт и сходни.*) Алексей Борисович, Сережа, Нок.

Алексей Борисович. Ну вот, Сергей! Кончилось наше путешествие... (*Встревожился, увидев, что Сережа вдруг опустился на причальную тумбу.*) Что с тобой?

Сережа (*рассеянно*). Ничего... Я только минуточку посижу, ладно?

Алексей Борисович. Ну.. посиди. А что случилось? Тебе нездоровится?

Сережа молча покачал головой. Алексей Борисович подождал, когда пройдет «минуточка».

Сергей... ты меня пугаешь, честное слово. Ну что ты? Сел и будто в рот воды набрал?

Сережа с улыбкой поднял лицо.

Сережа. Я вспоминаю... Вы не смеяйтесь, Алексей Борисович, ладно? Как они примчались? А говорят, чудес не бывает.

Алексей Борисович осторожно присел рядом.

Алексей Борисович. Чудеса бывают... Собственно говоря, что такое чудо? Несколько случаев, совпавших друг с другом... Вот, допустим, открою я сумку и скажу.. «Раз, два, три! Упади сюда метеорит!» Упадет?

Сережа. Нет, конечно.

Алексей Борисович. А вдруг? Ведь они все-таки падают на землю. А если так совпадет, что моя сумка окажется на месте падения?

Сережа (*засмеявшись*). Ну, уж это будет такое совпадение...

Алексей Борисович (*серъезно*). Совпадение и получилось. Взглянул я на берег и увидел директорский газик, который ребят высадил. Что делать? Сам на станцию не успею. Вспомнил, что в колхозе знакомые работают, студенческий строительный отряд. Я про них писал. Они конный двор строят, с лошадьми возятся... Хорошо, что телефон рядом был. Звоню, а вправление как раз командир отряда вошел. И лошади у них на счастье оседланы. Так и получилось.

Сережа. Как они... Будто атака! А потом нас с Ноком подхватили в седла и понеслись! Я даже ничего не понял... А те, кто меня ловил! Наверно, и сейчас ходят обалделые... Нет, все равно это чудо.

Алексей Борисович (*вставая*). Может быть... Но, видишь ли, Сережа, такие чудеса случаются раз в жизни. Не чаще. И надеяться на них не надо. Надейся на себя... Ну, пойдем.

Сережа (*тоже поднимаясь и взяв за поводок Нока*). Я понимаю. Ну и что же? Мне и одного чуда хватит на всю жизнь.

Алексей Борисович. Тебе... А другим?

Сережа. Другим?

Алексей Борисович. Да. А как же... Ты сейчас рад, споко-

ен даже. А кто-то в этот миг зовет на помощь. Думаешь, всадники спешат туда?

Сережа. А что же делать?

Алексей Борисович. Будь всадником сам... Не обязательно на коне и в шапке со звездой, не в этом главное. Впрочем, со звездой обязательно...

Сережа. Я понимаю.

Алексей Борисович. Вот и хорошо, что понимаешь... Ну, надо идти. (*Протягивает Сереже руку*.) До свиданья. До свиданья, Нок... Береги, Сережа, этого пса. Верный он вырастет, надежный.

Сережа. Жалко... что уже расстаемся.

Алексей Борисович. Мы еще увидимся. До свиданья.

Сережа. До свиданья.

Они разошлись уже довольно далеко, когда Сережа вдруг обернулся.

Алексей Борисович! Вы говорили, что другие тоже ждут... всадников.

Алексей Борисович. Ждут.

Сережа. А как узнать? Как всадник услышит, что его зовут?

Алексей Борисович. Учись. Слушай. Смотри.

Он ушел. Сережа постоял в задумчивости, рассеянно потрогал Нока, посмотрел Алексею Борисовичу вслед.

Сережа (*уже не ему, а себе, словно приняв решение*). Я постараюсь.

В музыке возникает тема всадников. Плынут тучи, и нам кажется, что в этих тучах скакет эскадрон.

Занавес

1978